

— Не едите? А что тогда? Спринг-роллы? Или танъюань? Без проблем, я могу их приготовить.

Ши Цзинь потянул изо всех сил, но в тот момент он был слишком слаб, чтобы хоть немного сдвинуть Ли Цзючжэна с места. В конце концов, он сдался, просто обхватил брата за руку и повернул голову к Лянь Цзюню:

— Цзюнь-шао, я хочу забрать Пятого брата с нами на Праздник Весны, но не могу его сдвинуть. Пожалуйста, помоги мне его утащить.

Ли Цзючжэн нахмурился еще сильнее и выдернул свою руку.

Лицо Лянь Цзюня помрачнело. Проигнорировав Ли Цзючжэна, он с ног до головы окинул взглядом довольно жалкую фигуру Ши Цзиня и жестом приказал Гуа Первому остановить инвалидную коляску. Сбросив с колен плед, он опустил ноги на землю и, к всеобщему изумлению, действительно встал. Медленно сделав два шага вперед, он оказался на расстоянии вытянутой руки. Затем Лянь Цзюнь протянул руки и привлек подростка в свои объятия.

Ши Цзинь: «!!!»

— Я разберусь с тобой позже, просто подожди, — выражение лица Лянь Цзюня было мрачным, хотя это можно было заметить, лишь хорошенько присмотревшись. Он уложил голову Ши Цзиня себе на плечо, свободной рукой закутал его в плед, а затем крепко прижал к себе. Бросив на Ли Цзючжэна ледяной взгляд, Лянь Цзюнь вместе с Ши Цзином направился к креслу.

Гуа Второй и остальные незаметно оцепили территорию. Теперь же они бросились вперед и скрутили Ли Цзючжэна.

Ши Цзинь позволил увести себя, все еще находясь в объятиях Лянь Цзюня и вдыхая его легкий аромат. Он был совершенно ошарашен.

«Лянь Цзюнь идет! Он ходит!» — мысленно кричал он.

Сяо Сы тоже сходил с ума: *<Милый выше тебя! Он действительно выше тебя! Это так здорово!>*

Ши Цзинь: «...»

Мертвой хваткой вцепившись в одежду Лянь Цзюня, он процедил:

— Сяо Сы, что ты только что сказал?

Система дернулась, а затем притворилась мертвой. Поскольку Ши Цзинь был наконец-то в безопасности, она сняла все баффы, в том числе те, что блокировали боль и помогали ему двигаться. Ему пришло время отдохнуть.

В следующую секунду Ши Цзинь закрыл глаза и обмяк в руках Лянь Цзюня. Он даже рта открыть не успел.

Лянь Цзюнь пошатнулся под тяжестью внезапно обмякшего тела юноши и поспешно восстановил равновесие. Взглянув вниз и обнаружив, что Ши Цзинь потерял сознание, он плотно сжал губы. Сделав еще шаг, он осторожно опустил его в пустующее инвалидное кресло.

Гуа Первый быстро подошел, чтобы помочь. Устроив Ши Цзиня, он заметил испарину на лбу Лянь Цзюня и его побледневшее от боли лицо.

— Цзюнь-шао, вы... — обеспокоенно начал он.

— Ничего. Вези коляску, — перебил его Лянь Цзюнь. Его голос звучал как обычно. Однако тело было слегка сгорблено. Он мог стоять прямо только потому, что опирался на подлокотник. Коснувшись лица Ши Цзиня, он оглянулся на Ли Цзючжэна и приказал:

— Заберите его. Сообщите Ши Вэйчуну, что оба его брата найдены, и передайте: пусть приезжает в военный госпиталь Чэнду, если хочет меня найти.

Гуа Второй подтвердил получение приказа. Достав пистолет, он направил его в спину Ли Цзючжэна:

— Только после вас, доктор Ли.

Ли Цзючжэн бросил на него взгляд, затем перевел глаза на Ши Цзиня, без сознания лежавшего в кресле, и на Лянь Цзюня, чье состояние явно было неважным и продолжало ухудшаться. Взяв себя в руки, он покорно зашагал в направлении, указанном Гуа Вторым.

Ши Цзинь очнулся — и снова от запаха антисептиков. Он открыл глаза и огляделся: ох, на этот раз у его постели собралось четверо. Он тут же отвернулся, пытаясь снова упасть в обморок.

— Очнулся? — раздался тихий и холодный голос Лянь Цзюня.

Ну конечно, началось.

Ши Цзинь вздохнул и повернулся обратно. Посмотрев на Лянь Цзюня, сидевшего ближе всех, он выдавил из себя заискивающую улыбку:

— Цзюнь-шао, ты выглядишь по-настоящему красивым, когда ходишь. Широкие плечи, узкая талия, длинные ноги — у тебя великолепная фигура. Вот только ты слишком худой, обнимать одни кости как-то не очень, тебе надо больше есть...

Лянь Цзюнь, не дрогнув в лице, протянул руку и ущипнул его за губы.

— Раз ты можешь столько болтать, кажется, ты уже в порядке, — усмехнулся он.

Ши Цзинь почувствовал, как по спине покатился холодный пот. Он закрыл глаза и начал кашлять так, словно задышался, стараясь всеми силами показать, насколько ему на самом деле плохо. Его игра была крайне преувеличенной.

Дядя Лун, стоявший рядом, больше не мог этого выносить. Он отстранил руку Лянь Цзюня и осмотрел Ши Цзиня. Затем напоил его водой, наставляя:

— Хватит ворочаться, иначе рана снова откроется.

Ши Цзинь мгновенно стал пай-мальчиком. Сделав глоток воды, он почувствовал, как сухому, зудящему горлу сразу стало легче. Взглянув на двух людей, стоявших поодаль, он позвал:

— Старший брат, Пятый брат...

— Пока отдыхай, поговорим позже, — успокаивающе произнес Ши Вэйчун. Он толкнул локтем молчавшего рядом Ли Цзючжэна.

Ли Цзючжэн бросил взгляд на Ши Цзиня и сухо бросил:

— Прости.

Ши Вэйчун недовольно посмотрел на него. Второй мужчина отвернулся, избегая его взгляда, всем своим видом показывая, что больше не желает разговаривать.

Ши Вэйчун нахмурился, собираясь что-то сказать, но сдержал слова. Одарив Ши Цзиня взглядом в духе «я объясню все позже», он вытащил Ли Цзючжэна из палаты.

Ши Цзинь наблюдал за происходящим широко раскрытыми глазами.

Терпение Лянь Цзюня подошло к концу. Он ущипнул подростка за щеку и потянул к себе.

Ши Цзинь был вынужден перевести взгляд обратно на Лянь Цзюня. Увидев его неприглядное выражение лица, он вмиг позабыл о братьях и попытался объяснить:

— Я не нарушал твой приказ, я просто волновался за тебя. В тот день я собирался лишь осмотреться в окрестностях, ни во что не ввязываясь. Но, оказавшись там, я увидел, что ты в опасности, и бросился вперед не раздумывая. Я никак не ожидал, что снайпер возьмет на мушку меня. Сразу после того, как в меня выстрелили, я позвонил тебе, но из-за боли в голове все помутилось, и я, к несчастью, ошибся номером...

Лянь Цзюнь убрал руку, но не проронил ни слова, а его лицо оставалось таким же мрачным.

— Прости. Я приму любое наказание, которое ты сочтешь подходящим, — Ши Цзинь опустил голову. Он выглядел бледным, слабым и совершенно жалким.

Лянь Цзюню хотелось устроить ему хорошую выволочку, но у него просто не поднялась рука, поэтому он лишь смотрел на младшего, глубоко нахмурившись. Наконец, он выдал:

— Когда ты совершаешь ошибку, ты очень быстро извиняешься, но каждый раз разворачиваешься и делаешь то же самое. Ши Цзинь, ты хочешь, чтобы я тебя запер?

Ши Цзинь неловко прочистил горло.

— Ну, не каждый же раз...

— Хочешь, чтобы я освежил твою память? — парировал Лянь Цзюнь.

«Что же делать, мое золотое бедро в гневе и, кажется, утратило остатки благоразумия».

Ши Цзинь захлопнул рот и, вытащив руку из-под одеяла, потянулся за рукой Лянь Цзюня, готовый всячески подхалимничать.

Рука Лянь Цзюня покоилась на подлокотнике кресла, недалеко от края кровати. Однако Ши Цзиню было трудно до нее дотянуться — он был слишком голоден, чтобы собрать хоть каплю сил.

Лянь Цзюнь сидел неподвижно, наблюдая за ним. Лишь когда рука Ши Цзиня задрожала и уже готова была бессильно упасть, он наконец перехватил ее, крепко сжав.

— Никакого следующего раза.

Ши Цзинь кивнул, нацепив на лицо самое послушное выражение, но вот его рука послушной точно не была. Ах, хватит! Он придвинулся ближе, положил руку Лянь Цзюня на место и мягко сжал его ногу, с беспокойством спросив:

— Ноги болят?

Лянь Цзюнь напрягся, и его лицо, которое едва успело смягчиться, вновь помрачнело. Он взял руку Ши Цзиня и сунул ее обратно под одеяло.

— Продолжай отдыхать. Тебе нужно еще какое-то время побыть под наблюдением, прежде чем ты сможешь поесть, так что потерпи, — сказал он.

Э? У него же только что улучшилось настроение, как оно вдруг снова испортилось?

Расстроенный Ши Цзинь позвал:

— Цзюнь-шао, я...

Лянь Цзюнь снова сомкнул пальцы на его губах, глядя на него ничего не выражающим взглядом.

— Ши Цзинь, если ты не можешь дать мне ответ, не проявляй ко мне такого участия — это нечестно.

Убрав руку, он знаком велел дяде Луну присматривать за пациентом, затем развернул кресло и уехал.

Ши Цзинь совершенно не понял его слов. Сбитый с толку, он посмотрел на дядю Луна, посылая глазами сигнал SOS.

Дядя Лун похлопал его по лбу и произнес:

— Не спрашивай, просто закрой рот и спи.

— Но...

Дядя Лун достал телефон, вставил наушники и начал слушать музыку.

Ши Цзинь: «...»

«Сяо Сы, мне кажется, между дядей Луном и Лянь Цзюнем есть какая-то тайна, но они не хотят, чтобы я о ней знал».

Его первый информатор отказался сотрудничать, поэтому не оставалось ничего другого, кроме как прибегнуть ко второму — к своей системе.

Сяо Сы включил в его голове колыбельную.

Ши Цзинь просто онемел от возмущения. И все же, несмотря на злость, он действительно уснул.

В следующий раз, проснувшись, Ши Цзинь обнаружил, что у кровати сидит Ши Вэйчун. Брат помог ему поправить постель. Затем налил стакан воды, вставил соломинку и поднес к его губам, мягко сказав:

— Сначала выпей немного воды.

Ши Цзинь сделал глоток и огляделся.

— Больше никого нет?

— Они заняты другими делами, — ответил Ши Вэйчун. Он установил прикроватный столик, взял с тумбочки термос с едой и достал тарелку каши с несколькими закусками. — Поешь немного, чтобы набить желудок. Скажи, если захочешь в туалет, я помогу.

Ши Цзинь был ранен, но рана была лишь в плече. Раньше у него не было сил из-за высокой температуры. Но теперь, когда жар спал и он как следует выспался, большая часть энергии вернулась.

— Все нормально. Я не тяжело ранен, могу сходить и сам.

Ши Вэйчун поджал губы, но промолчал. Помог ему расставить тарелки на столике, сел у кровати и произнес:

— Поешь. А потом давай поговорим.

Увидев выражение его лица, Ши Цзинь мысленно вздохнул. Понимая, что этого разговора не избежать, он смиренно взял ложку.

Когда подросток наелся, его цвет лица перестал быть таким мертвенно-бледным. Лицо Ши Вэйчуна тоже слегка посветлело. Он встал, помог Ши Цзиню убрать со стола, а затем снова уложил его в постель. Поборовшись с чем-то внутри себя, он заговорил:

— Лянь Цзюнь рассказал мне, как ты получил ранение. Ты слишком безрассуден, Сяо Цзинь.

Ши Цзинь признал свою вину:

— Прости, я заставил тебя волноваться.

— Нет, тебе не нужно передо мной извиняться. — Ши Вэйчун помог ему подоткнуть одеяло. После минутного молчания он продолжил: — Я уже поговорил с Цзючжэном, он обещал больше не доставлять тебе неприятностей. Это моя оплошность, в последнее время я уделял ему слишком мало внимания. Я не осознавал, что смерть матери загнала его в тупик. И ты... Я не хороший брат, Сяо Цзинь. Это я должен просить у тебя прощения.

Ши Цзинь нахмурился и позвал:

— Старший брат.

— Я не заслуживаю права быть твоим старшим братом. — Ши Вэйчун опустил взгляд, на его лице застыло усталое выражение. — Ты, наверное, не знаешь... Хотя Ши Синжуй и бросил наших матерей, он также выделил им огромные суммы денег — на наше воспитание и в качестве компенсации.

Потрясенный Ши Цзинь бессознательно сел прямо.

— И дело было не только в деньгах — все наши матери и их семьи в той или иной степени пользовались ресурсами Ши Синжуя. Он вкладывался в нас так же, как инвестировал в бизнес, и ничуть не скупился... Но всё изменилось после твоего рождения. Когда стало ясно, что Ши Синжуй склонен перенаправлять все ресурсы на тебя, наши матери тайно провели встречу. По указанию каждой из матерей мы учились «лелеять» нашего младшего брата. Ши Синжуй начал распределять ресурсы между ними в зависимости от того, насколько сильно ты был к нам привязан... Это была сделка, соглашение, основанное на молчаливом понимании. Я, Юйцзин и Чжоучжун знали об этом, а Аотин и Цзючжэн — нет.

Ши Цзинь в замешательстве уставился на него. Он никак не ожидал, что тайной, стоявшей за поведением каждого, окажется нечто подобное.

Ши Вэйчун пристально смотрел ему в глаза, словно пытаясь разглядеть в них отражение своей собственной презренной и лицемерной сущности. Его тон стал взволнованным:

— Сначала мы были детьми и просто делали то, что велели матери. Повзрослев, каждый из нас обзавелся собственными взглядами и целями, и они хотели изменить эту болезненную ситуацию, но я их остановил.

Ши Цзинь спросил:

— Почему?

— Потому что ради мести Ши Синжую мне нужно было оставаться с ним в хороших отношениях... Из собственного эгоизма, из корысти я ввязал всех в свою месть. Мы использовали тебя как инструмент, чтобы подобраться к Ши Синжую, и продолжали играть в «хороших братьев».

Пока он говорил, выражение лица Ши Вэйчуна становилось всё мрачнее. С оттенком самоиронии он произнес:

— Мы все уже давно могли бы стать свободными. Чем старше становился Ши Синжуй, тем меньше амбиций у него оставалось. Он практически перестал интересоваться чем-либо, кроме тебя, — даже собственной компанией. Мы выросли и обрели достаточно сил, чтобы твердо стоять на ногах, нам больше не нужно было ни бояться власти Ши Синжуя, ни зависеть от нее. Мы легко могли бы вырваться из-под его тени, но я заставил всех продолжать этот спектакль. Это никак не могло закончиться хорошо. Большая часть вины за то, что Цзючжэн вышел из-под контроля, лежит на мне. Я безумно рад, что Ши Синжуй умер до того, как я сделал свой ход, иначе все оказались бы втянуты в еще более жуткий кошмар.

Сердце Ши Цзиня екнуло.

— Что бы ты сделал, если бы Ши Синжуй не умер? — спросил он.

Ши Вэйчун посмотрел ему прямо в глаза и четко проговорил:

— Отобрал бы у него всё, втоптал бы его в пыль и уничтожил бы то, чем он дорожил больше всего, чтобы он прожил в мучениях до конца своих дней.

«То, чем он дорожил больше всего»... Разве это не был оригинальный «Ши Цзинь»?

Ши Цзинь откинулся на спинку кровати, ошеломленно уставившись на брата. Впервые на него снизошло столь ясное осознание: перед ним сидел убийца. Пусть даже и потенциальный.

Человек, на которого «Ши Цзинь» смотрел как на старшего брата, на самом деле никогда не считал «его» младшим братом. Ши Цзинь думал, что Ши Вэйчун просто недолюбливал самого младшего в семье, но, по-видимому, это было не более чем выдаванием желаемого за действительное.

— Это правда, что Ши Синжуй плохо обошелся с вами и бросил ваших матерей, так что я могу понять твоё желание отомстить ему, но изначально... Но что сделал не так я? — спросил он, больше не играя, а искренне сочувствуя «Ши Цзиню» и чувствуя, что всё это было слишком несправедливо по отношению к «нему».

Единственное, что сделал оригинальный «Ши Цзинь» — это появился на свет, да и то не по своей воле. Самым страшным преступлением, которое «он» совершил за свою короткую жизнь, было то, что он связался со старыми подчиненными Ши Синжуя, чтобы доставить неприятности Ши Вэйчуну.

Когда «он» умер, «ему» еще не было и двадцати. Первые семнадцать лет «он» жил под строгим присмотром отца и не делал ничего дурного. В тот год «он» потерял отца, свое лицо, свободу и сделал жестокое открытие: вся его счастливая жизнь до этого момента была лишь тщательно срежиссированной иллюзией. Едва повзрослев, «он» лишился и самой жизни.

Пусть «он» и был избалованным, невежественным, не проявлял должного внимания к своим старшим братьям и имел другие недостатки, неужели это было тем, за что нужно было расплачиваться жизнью? Хоть «он» и не был выдающимся, «он» также не был и ужасным младшим братом.

Столкнувшись с вопросом Ши Цзиня, Ши Вэйчун снова замолчал. Затем он потянулся, чтобы коснуться его щеки, и ответил:

— Ты не сделал ничего дурного, это я был неправ. Я не достоин быть твоим старшим братом.

Ши Цзинь уклонился от его руки — судя по тому, что он только что сказал, все их поступки были корыстными и расчетливыми. Этого было достаточно, чтобы полностью перевернуть его понимание ситуации. Он перенял личность оригинального «Ши Цзиня» и прямо сейчас просто не мог принять заботу Ши Вэйчуна.

Глаза Ши Вэйчуна потускнели, его рука медленно сжалась в кулак и опустилась. Он встал и произнес:

— Отдыхай... Я поговорю с Цзючжэном, он тебя больше не побеспокоит. Если ты решишь больше не признавать меня своим братом, я отнесусь к твоему решению с уважением... Прости, Сяо Цзинь.

Он на мгновение замер на месте, но так и не получил ответа от Ши Цзиня, поэтому взял со стула пальто, развернулся и ушел.

Ши Цзинь со смешанными чувствами уставился на дверь. Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, затем он в сердцах пнул стул и с головой укутался в одеяло.

Сяо Сы тревожно позвал: *<Цзинь-Цзинь...>*

— Я в порядке, — ответил Ши Цзинь приглушенным голосом. — В конце концов, я не более чем чужак, который вломился сюда и сеет хаос. Это семейный конфликт. У меня нет никакого права судить... Сяо Сы, возможно, слишком многое изменилось из-за моего вторжения. Не

слишком ли я был заиклен на полосе прогресса?

<Нет,> — возразил Сяо Сы. Видя его таким подавленным, он не мог не винить себя.

<Прости, Цзинь-Цзинь, это я втянул тебя в этот мир...>

Ши Цзинь молча покачал головой и закрыл глаза. Вспомнив всё, что ему пришлось пережить с момента переселения, он тяжело вздохнул.

Вскоре дверь приоткрылась, и вошел Гуа Второй, сменив Ши Вэйчуна на посту сиделки. Ши Цзинь немного поболтал с ним и выяснил, что они находятся в военном госпитале Чэнду. Остальные до сих пор не приходили навестить его, потому что ухаживали за Лянь Цзюнем, который тоже слег.

Ши Цзинь нахмурился и сел, собираясь встать с постели.

— Как он? — с тревогой спросил он. — Я пойду проведу его.

— Не надо, Цзюнь-шао уже спит. Это просто простуда и недосып. Капельница, немного сна, и он будет в порядке. — Гуа Второй уложил его обратно, слегка щелкнув по лбу. — Просто послушно лежи в постели и выздоравливай. Год только начался, тебе не кажется, что с нас уже хватит потрясений? Поправляйся скорее, иначе Цзюнь-шао себе места не найдет от беспокойства.

Ши Цзинь лег обратно, преисполненный глубокого раскаяния за свои ошибки. Его лицо скривилось.

— Прости, в будущем я не буду таким импульсивным.

У Гуа Второго не хватило духу снова ругать его. Вместо этого он его утешил:

— На самом деле, всё в порядке, не накручивай себя. Если бы не ты, кто-то из нас мог бы пострадать. Хотя Гуа Первый припарковал машину так, чтобы перекрыть большую часть снайперских выстрелов, на улице все еще оставались враги. Если бы они открыли огонь, мы бы ни за что не смогли уклониться от всех пуль.

— Тебе не нужно меня утешать. — Ши Цзинь тяжело вздохнул. Уставившись в удручающе белый потолок, он неожиданно спросил: — Гуа Второй, я позволяю эмоциям влиять на мои решения?

Беспомощно выдохнув, Гуа Второй натянул одеяло на лицо подростка.

— Я же сказал, перестань так много думать, ты молодец... Поправляйся скорее. А потом мы поедем на остров копать крабов.

Ши Цзинь решил, что над ним издеваются. Надувшись, он показал ему средний палец из-под одеяла и закрыл глаза.

После того разговора Ши Цзинь больше не видел Ши Вэйчуна.

По словам Гуа Первого, Ши Вэйчун все еще находился в госпитале и каждый день ходил к лечащему врачу Ши Цзиня, чтобы узнать о его самочувствии; Ли Цзючжэн тоже оставался здесь. Однако они больше ни разу не зашли его навестить.

Ши Цзинь обдумал все хитросплетения сюжета, посмотрел на полосу прогресса, которая опустилась до отметки 500, и не стал пытаться их искать.

На следующий день Лянь Цзюнь стало немного лучше, поэтому он пришел в палату, чтобы составить Ши Цзиню компанию. Цвет его лица был здоровым, но само лицо снова выглядело почти изможденным. Сердце Ши Цзиня обливалось кровью; все его усилия по наращиванию плоти на костях Лянь Цзюня пошли прахом.

Опасаясь, что долгое пребывание в госпитале пагубно скажется на здоровье Лянь Цзюня, Ши Цзинь стал активно содействовать собственному лечению. Меньше чем через неделю он уже был на ногах, прыгал вокруг и требовал выписки.

Лянь Цзюнь заставил его пробыть в больнице ровно семь дней, позволив выписаться только после того, как убедился, что нет никаких проблем. Затем, обеспокоенный тем, что свежезажившая рана Ши Цзиня может не выдержать перелета, он отказался от идеи возвращаться на самолете, раздобыл дом на колесах и приготовился ехать в город Б. по земле.

В утро отъезда Ши Цзинь закупил целую гору пельменей, спринг-роллов и прочей праздничной еды и отправил всё это в частную клинику Ли Цзючжэна. Так он сдержал свое давнее обещание.

Во второй половине дня они сели в фургон прямо у входа в госпиталь. От нечего делать Ши Цзинь выглянул в окно. Краем глаза он заметил Ши Вэйчуна и Ли Цзючжэна, которые бок о бок стояли перед фруктовой лавкой на другой стороне улицы и наблюдали за ними.

На мгновение он заколебался, не зная, как поступить. В конце концов, он помахал им, одними губами произнес «Прощайте» и задернул штору.

В самом деле, ему следовало помнить, что он не был оригинальным «Ши Цзинем» — так к чему ему поднимать шум из-за того, притворялись эти братья или нет? Он изо всех сил пытался выжить в этом мире, и единственное, о чем просил — жить хорошо и обнулить полосы прогресса. Теперь, когда он определил, что эти пятеро братьев вряд ли были убийцами оригинального «Ши Цзиня», ему не было дела до того, каковы их истинные чувства. Хоть его с таким трудом заработанные факторы выживания и исчезли, их все равно было немного, к тому же рядом с ним всегда было его надежное золотое бедро.

С этой мыслью он перевел взгляд на Лянь Цзюня, сидевшего напротив за книгой. Потянувшись, он придавил книгу рукой и достал планшет.

— Цзюнь-шао, давай сыграем партейку. Если я выиграю, поможешь мне кое-что проверить, идет?

Лянь Цзюнь бросил взгляд на руку, мешавшую ему читать, и его глаза задержались на следах от игл на ее тыльной стороне. Опустив книгу, он посмотрел на Ши Цзиня.

— А если проиграешь?

Ши Цзинь немного лукаво ухмыльнулся:

— Тогда я буду делать тебе массаж каждый день. Говорю тебе, я — искусный массажист, обычным людям не суждено насладиться моим мастерством!

Настоящий «искусный массажист», Сяо Сы: *<Хмпф.>*

Лянь Цзюнь окинул Ши Цзиня взглядом. Затем, к удивлению подростка, действительно отложил книгу в сторону и произнес:

— Хорошо.

Довольный собой, Ши Цзинь достал второй планшет, услужливо открыл приложение для маджонга и всучил его в руки Лянь Цзюня.

Примечания переводчика:

Спринг-роллы (весенние рулетики) [春卷] — большое разнообразие фаршированных рулетиков или димсамов, встречающихся в азиатской кухне. Вид теста, начинки и способ приготовления, а также название значительно варьируются в зависимости от культуры региона. В китайской кухне спринг-роллы — это пикантные рулетики с капустой и другими овощными начинками, завернутые в тонкое цилиндрическое тесто. Обычно их едят во время Праздника Весны в материковом Китае, отсюда и название. (Википедия)

Танъюань [汤圆, букв. «суповые шарики»] — китайский десерт, приготовленный из клейкой рисовой муки, смешанной с небольшим количеством воды. Из теста формируют шарики, которые затем либо варят и подают в кипящей воде с ферментированным клейким рисом или сладким сиропом (например, сладким имбирным), либо жарят во фритюре. Танъюань могут быть большими или маленькими, с начинкой или без нее. (Википедия)

<http://bllate.org/book/18125/1749995>